

Вячеслав
ЖУКОВ

«ОРЕХОВСКИЕ»

*шутить
не любят*

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Владимирович Жуков «Ореховские» шутить не любят

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134565
«Ореховские» шутить не любят: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-004270-1*

Аннотация

«Алексей Ивлев проводил жену до самого магазина, где она работала продавщицей в отделе верхней одежды, и быстрой походкой направился к Киевскому вокзалу. Именно оттуда несколько раз по телефону поступал анонимный сигнал от неизвестного доброжелателя, что на самом вокзале и возле него появился карманник, не признающий ничего и никого. Понятно, местные старожилы, представляющие низшую иерархию криминала, возмутились и по-своему попытались образумить нахала. Но это, как оказалось, не подействовало. И тогда тамошние карманники решили его сдать операм. Слишком уж он стал мешать. Да и не нравился этот одиночка...»

Вячеслав Жуков «Ореховские» шутить не любят

Алексей Ивлев проводил жену до самого магазина, где она работала продавщицей в отделе верхней одежды, и быстрой походкой направился к Киевскому вокзалу. Именно оттуда несколько раз по телефону поступал анонимный сигнал от неизвестного доброжелателя, что на самом вокзале и возле него появился карманник, не признающий ничего и никого. Понятно, местные старожилы, представляющие низшую иерархию криминала, возмутились и по-своему попытались образумить нахала. Но это, как оказалось, не подействовало. И тогда тамошние карманники решили его сдать операм. Слишком уж он стал мешать. Да и не нравился этот одиночка.

Сигнал был записан оперативным дежурным и незамедлительно подан начальнику отдела полковнику Махову. И капитану Ивлеву, как заместителю начальника отдела по оперативной работе, поступило указание побывать на Киевском вокзале и все проверить самому. У Ивлева там были свои люди.

Ивлев не терпел формалистики. Можно было отчитаться рапортом, ведь сигнал-то анонимный, но заместитель начальника по оперативной работе придал ему определенное значение, еще не зная, чем все это обернется. Потом, спустя годы, он не раз задавал себе вопрос – а что, если б знал? Что тогда? И ответа не мог найти. Уж видно, так угодно судьбе. Кружит она нас в водовороте событий, приятных и неприятных фактов, дарит нам радостные встречи и горькие расставания. А зачем? Вряд ли кто сумеет ответить на этот вопрос, недоступный простым смертным.

В Москве в эту летнюю пору стояла невыносимая жара. Хотелось плюнуть на все, захватить жену и, не дожидаясь выходных, уехать за город, на берег лесного озера, где Ивлев любил отдыхать, проводя там почти все свободные дни, которых при его работе получалось не так уж и много.

Он шел, томясь от жары, вспоминая, как там, на озере, хорошо даже в эту невыносимую духоту.

Люди, уставшие от беспощадного палящего зноя, вяло бродили по раскаленному асфальту между рядами азербайджанцев, торговавших овощами и фруктами.

Вот уж кому жара не доставляла огорчений! Товар расходился, и южане деловито суетились возле своих прилавков. Надо было побыстрее избавиться от скоропортящихся продуктов. И среди этих многочисленных столов и прилавков всегда людно. Кто покупает, кто просто по каким-то причинам расхаживает около фруктового изобилия.

Ивлев предполагал, что этот новенький карманник обязательно должен быть где-то тут в толпе. А где еще может быть денежный народ? Одни – продают, другие – покупают, самое раздолье для карманника, только успевай работать, не ленись. Те, кто победнее, еще как-то заботятся о сохранности своего кошелька. А у кого денег полно – те безалаберны. Да и что для них тысяча-другая рублей – так, ничего особенного. И крик они поднимать не станут, если вдруг обнаружат пропажу. Им предпочтительней разобраться по-тихому, без лишнего шума.

Честно говоря, и жалости к таким Ивлев не испытывал. Всех их, быстро разбогатевших, холеных, на роскошных иномарках развозящих вечерами девочек по ресторанам, капитан не любил. Ни капли не завидовал их красивой жизни, потому что слишком хорошо знал, какими методами все это достигается. И как печально зачастую все для них кончается.

Ближе к полудню сделалось еще жарче. Казалось, воздух окончательно пропитался клубами выхлопных газов множества машин и раскалился так, что еще немного – и произойдет ужасное.

И вот когда разморенные от жары покупатели сделались безразличными ко всему и потеряли бдительность, Ивлев увидел, как у одного respectable на вид человека лет тридцати юркий тощий паренек ловко вытянул из бокового кармана пиджака тугой кожаный бумажник из крокодиловой кожи.

Человек расплатился с продавцом, убрал бумажник в карман, а когда протянул руки за кулем, набитым доверху крупными гроздьями черного винограда, паренек протянул тощую руку к карману его пиджака и сунул в него свои длинные, как у пианиста, пальцы. Мгновение – и бумажник оказался уже в кармане вора. Он пару секунд еще постоял, точно приклеенный к этому человеку, озабоченно водил глазами по прилавку, потом с невозмутимым видом отошел в сторону, стараясь побыстрее затеряться в толпе, полный уверенности, что хозяин бумажника не обнаружил пропажу и теперь главное – время. Надо поскорее уйти отсюда, переложить в карман содержимое бумажника, избавиться от него, и тогда кражу будет доказать почти невозможно, если его все-таки задержат. Но этого карманник не опасался. Ему всегда везло.

Рука карманника гладила бугристую кожу бумажника. Он был очень дорогой и уж точно набит не пустой бумагой.

Радость переполнила душу воришки, и он внезапно ощутил себя выше всей этой толпы. Вот они суетятся, крутятся, а он поработал, пусть и с риском, и кое-что заимел. Неделю-две можно жить, не думая, где достать деньги. И не надо по утрам идти к станку. Никаких обязательств. Можно жить в свое удовольствие и почувствовать себя хозяином этой жизни, а не рабом. А сейчас главное – смыться отсюда куда-нибудь и спокойно пересчитать купюры.

И вдруг сработал инстинкт самосохранения. Карманник всем своим существом почувствовал опасность.

Следом за ним из толпы рванулся высокий широкоплечий мужчина. В его движениях читалась уверенность, с которой действуют только милиционеры.

Страх, невыносимый страх пронзил паренька. «Неужели вляпался? – подумал он. – Что же теперь будет?» Этот вопрос так взволновал его, что радость от добытых денег тут же пропала. Да и до них ли сейчас, когда вот-вот окажешься в тюрьме! Паренек ускорил шаг, направляясь к метро. Там много народу и затеряться – пара пустяков.

– Вот тот парень вытащил у вас бумажник, – сказал Ивлев обворованному гражданину, мельком взглянув ему в лицо. Особенно приглядываться было некогда.

Тот схватился за пустой карман и, как показалось капитану, выругался. Лицо сделалось злым. Попадись ему сейчас этот вор, уж он бы с ним разобрался!

– Не уходите. Постойте здесь. Я сейчас его задержу, – пообещал Ивлев и побежал, видя, что паренек торопился спуститься по ступенькам в метро.

Человек что-то ответил, но капитан не расслышал, целиком переключив свое внимание на карманника.

Расталкивая людей, Ивлев побежал за пареньком, но не мог догнать. Тот оказался на редкость шустрым бегуном. Он как будто нарочно натренировался передвигаться в толпе. И сейчас уходил от погони. Прижимая локти к бокам, он ловко уворачивался, обегая встречных людей и увеличивая расстояние от Ивлева.

Капитан досадливо подумал: «Мне его не догнать. Еще немного – и он проскочит толпу возле турникетов, и тогда его вообще не найти. Уйдет».

– Я – капитан милиции! Стой! – крикнул Ивлев, плохо соображая, для чего это делает. Разве можно надеяться, что карманник, ловко вытянувший бумажник, захочет остановиться и сдать милиции? Да никогда. Ведь он не дурак и прекрасно соображает, чем все для него обернется.

Паренек побежал еще быстрее, резво подпрыгнул, намереваясь перемахнуть через турникет, но тут на его пути как из-под земли появился постовой милиционер – высоченный чернобровый усач. Он раздвинул здоровенные руки, и паренек сам влетел в его объятия.

– Попался, – улыбнулся постовой, держа трепыхавшегося нарушителя. – Почему не оплачиваешь проход?

– Дяденька,пусти. Я спешу, – запричитал паренек.

– Все спешат, да платят, – поучительно сказал милиционер.

Ивлев подбежал, едва переводя дух, и для верности схватил карманника за тощую руку возле самого локтя.

– Ну ты здоров бегать.

Постовой посмотрел на Ивлева сердито, улыбка сразу пропала.

– В чем дело, гражданин? – Он уже хотел потребовать документы, но капитан сам догадался предъявить удостоверение.

– Все в порядке, сержант. Спасибо, помог задержать. По всей улице за ним бегу. А мне этот бегун позарез нужен. У него в кармане есть кое-что интересное. Найди мне быстренько пару понятых. Протокол изъятия составим.

Постовой оказался служакой, четко, не задавая лишних вопросов, по-военному отрапортовал:

– Есть.

А паренек старался показать безразличие ко всему происходящему, блуждая взглядом по снующим туда-сюда людям. Но капитан Ивлев заметил во всей его фигуре и даже сдержанном поведении тщательно скрываемое напряжение.

Бумажник! Он лежал у паренька в правом кармане брюк. Надо было как-то достать его оттуда и незаметно для капитана выбросить. Но этот мент в гражданке крепко держал его за правую руку. Вырваться, побежать? Нет, от такого не убежишь. Слишком прыткий, не то что пузатые постовые. И паренек загрустил. Увидел, что Ивлев внимательно смотрит на постового милиционера, и тогда, стараясь, чтобы капитан не заметил, вытянул свою длинную левую руку за спину, подбираясь пальцами к карману.

Худые плечи паренька сжались. Он взволновался так, что рубаха на спине намочила от пота. «Только бы получилось! Хорошо бы не заметил мент, как я выброшу бумажник. Тогда уж не докажет кражу. И никакие понятые будут не нужны. Разве посмотреть, какой ты дурачок. Пацана захапал, а кошелечка-то при нем и нет», – повеселел карманник. Искося глянул на капитана и заметил – Ивлев улыбался.

Капитан Ивлев догадался о намерении вора. Едва лишь самый длинный палец карманника потрогал бугристый уголок бумажника, как капитан свободной рукой схватил этот палец, сжал его и слегка крутанул. Прием давно проверенный.

Паренек взвыл от боли.

– Ты чего делаешь? Чего руки ломаешь? Больно же! – Он старался привлечь внимание, чтобы услышали окружающие люди. При этом состроил такую гримасу, будто Ивлев ему не крутанул палец, а отхватил всю руку. Он все еще надеялся – может, мент хоть чуть ослабит руку, и тогда он постарается вырваться.

Но капитан Ивлев держал его точно клещами, не давая ни малейшего шанса на побег.

– Ты не хулигань, и больно не будет, – спокойно сказал Ивлев, не обращая внимания на нытье паренька.

– А я чего, хулиганю? Отпусти руку, кость сломаешь! Чего ты меня схватил? Чего я тебе сделал? По улице пройти нельзя!

Проходившая мимо женщина лет шестидесяти с увесистой сумкой на плече попыталась вмешаться, пожалев паренька. Но подошел постовой, и она отошла, то и дело оглядываясь.

– Тетенька! – захныкал паренек, но Ивлев тряхнул его за руку.

– Прекрати устраивать представление. Лучше помолчи, раз вяпался.

Паренек хмыкнул, всем своим видом стараясь показать бесполезность действий милиционера.

– Кто вяпался? Я? Сейчас! Напрасно время теряешь! Дел, что ли, других нету?

Такой наглости капитан Ивлев не ожидал. Всего, чего угодно, только не этого.

– Все равно ты меня не посадишь. Бумажник не твой.

– Не мой. Это верно. Сейчас мы выйдем и найдем его хозяина. Того, к кому ты залез в карман. Все обговорим с ним подробненько. Он напишет заявление. И тогда, голубок, ты у меня заговоришь по-другому.

– Ага, найдешь! Иди ищи! А я-то с какой стати попрусь? Тебе за это деньги платят. Я не пойду с тобой, – заупрямился паренек, исподлобья взглянув на капитана, словно ожидая, что он ответит.

– Пойдешь как миленький, – сказал Ивлев голосом человека, нисколько не сомневающегося в правоте своих действий. – А если не пойдешь, я тебя повезу на тележке. Только потом уж не обижайся. Ну, что выбираешь?

Паренек на это ничего не ответил, поджал губы и отвернулся.

– Пойдем к тебе в комнату милиции, – предложил Ивлев постовому, и они вместе с понятыми – двумя женщинами – пошли за сержантом.

В комнате в присутствии понятых и постового Ивлев достал из кармана у паренька краденый бумажник, составил, как положено, протокол обнаружения и изъятия, и понятые расписались в нем. После этого Ивлев их отпустил.

Бумажник оказался набит долларами. Ивлев нарочно не стал их пересчитывать, спросил у паренька:

– Сколько в бумажнике денег, знаешь? И какие купюры?

Паренек замялся, не зная, как лучше ответить. На вид бумажник был дорогой, и владеlec уж точно не голытьба московская. А крутые все с баксами. Рубли не любят. Паренек приценился глазом к бумажнику.

– Тысяча баксов, – ответил не слишком уверенно, наугад.

Ивлев усмехнулся и пересчитал деньги.

Карманник понял по выражению лица капитана, что ошибся, и вздохнул, мысленно проклиная неудачный день.

– Ошибся ты, парень. Тут две с половиной тысячи баксов и полтора миллиона рублей. Значит, бумажник не твой.

Выхода не оставалось, надо было как-то оправдываться, что-то говорить, и паренек сказал плаксивым голосом:

– А я чего, сказал, что он мой? Я его нашел. Нашел у ларьков. Гляжу, валяется. Я и подобрал. Чего я такого сделал, чтобы меня в милицию тащить?

– Подобрал? – спросил Ивлев.

На этот раз паренек промолчал, понимая, что затеял нехорошую игру. Ведь этот опер тоже не простачок, прицепится к словам и враз расколет. И паренек молил бога, чтобы он убрал потерпевшего, спрятал его куда-нибудь подальше от этого капитана.

Усатый постовой усмехнулся, разгладил усы, поглядывая на доллары.

– Мне бы хоть раз так подфартило, – сказал он, как бы стараясь уличить паренька во лжи, но получилось не слишком убедительно, как-то просительски.

Паренек на него посмотрел, как на человека третьего сорта, и сказал:

– А ты когда по улицам ходишь, рот не разевай. Может, чего и найдешь, если ногой не вяпаешься.

Постовой даже рот открыл, но смолчал.

– Так. Значит, ты его нашел? – переспросил Ивлев.

Паренек ответил, не моргнув глазом. Про себя он сориентировался, как повести разговор.

– А то! Нашел! Да вы заберите этот бумажник со всем его содержимым. А меня отпустите, – предложил он, надеясь, что вдруг Ивлев позарится на доллары. – Чего вам со мной возиться? Я ведь несовершеннолетний. Ну отвесьте мне хорошего пинка. Достаточно будет.

Выглядел паренек лет на шестнадцать, не больше. Он хорошо знал это, и его психология была проста: с несовершеннолетнего какой спрос? Милиция предпочитает заниматься солидными ворами. А он – так, мелюзга.

– Слушай, несовершеннолетний, а паспорт у тебя есть? – решил поинтересоваться Ивлев.

– Конечно, есть. Как у всякого российского гражданина.

– И предъявить его можешь?

Тут паренек решил соврать.

– Он у меня дома, – промямлил он таким голоском, что Ивлев подумал: «Черт бы его побрал, этого сопляка! Несовершеннолетний воришка. В лучшем случае выпишут крупный штраф родителям. А я ноги обивал, догоняя его». Ивлеву захотелось с досады плюнуть и отпустить дохляка с глаз долой, имей тот сейчас при себе паспорт. Вернуть бумажник законному владельцу и счесть все случившееся жутким недоразумением. Ну, приведет он воришку в суд, и что будет? Да ничего. Кто с таким связываться станет? Одно слово – убогий. Хозяин бумажника его увидит и не то, чтобы написать заявление о краже, да он ему еще баксов десять даст на починку штанов. Будь при нем сейчас паспорт... А так ведь все равно придется выяснять адрес, место работы родителей. «Эх, Ивлев, влетел ты с этим пацаном. Ну какой из него карманник, из малолетки! И придется тебе еще с ним возиться, везти засранца в управление. Вот свалился на мою голову, чертенок! И видно по всему, наглец тот еще. Ну подожди, вот я родителей твоих взгрею хорошенько, а уж потом они тебя ремешком по заднице поласкают. Будешь помнить бумажник», – думал капитан.

– Вот что, несовершеннолетний. Пойдем сперва вернем бумажник законному владельцу. И, может быть, он тебя пожалеет, не станет подавать заявление. Тогда считай, что тебе повезло.

Паренек хотел воспротивиться, но Ивлев достал наручники и пристегнул его руку к своей левой руке.

– Вызови оперативную машину, – сказал он постовому. – Пусть подъедут сюда, к метро. Пойдем, – потянул он паренька на улицу.

К великому огорчению капитана Ивлева, хозяина бумажника он возле лотка не увидел и пожалел: «Вот досада. Надо было послать за ним постового».

Они прошли несколько раз вдоль лотков, потолкались в толпе, но обворованного человека нигде не было.

Через дорогу, возле Киевского вокзала, дежурили два милиционера из патрульно-постовой службы.

Ивлев подошел, справился у них, не обращался ли к ним мужчина с заявлением о краже бумажника. Оказалось, не обращался.

– Вот тебе и раз, – проговорил Ивлев несколько обескураженно. А паренек ликовал, не скрывая радости. У одного продавца он тут же стащил крупный абрикос и с аппетитом вгрызлся в сочную плоть, посмеиваясь над стараниями капитана.

– Хватит уж болтаться. Ноги не казенные, – предложил он посидеть на скамейке, но Ивлев так на него посмотрел, что паренек сразу замолчал.

Они подошли к тому продавцу, у которого обворованный покупал виноград. Но давать пояснения продавец отказался под предлогом занятости. И только когда Ивлев показал свое

удостоверение и пригрозил отвезти его в управление для дачи свидетельских показаний, южанин откровенно испугался и сразу припомнил, как тот человек, купив виноград, не стал дожидаться возвращения Ивлева, а сразу же сел в «Вольво» цвета мокрого асфальта и уехал. По мнению продавца, он даже не жалел о пропавшем бумажнике. И паренек сразу же попытался воспользоваться этим.

– Вот видите! Ему он не нужен. А вы такую шумиху устроили!

– Помолчи и не встревай, когда взрослые разговаривают, – одернул малолетнего воришку капитан.

– Спешил, наверное, – подытожил свои пояснения словоохотливый продавец и попытался угостить строгого капитана спелой дыней.

Ивлев отказался.

– Номер машины вы не запомнили? – спросил он.

Продавец досадливо развел руками.

– Вы же мне ничего не сказали. Если б сказали, я бы запомнил обязательно. А так не запомнил. Я торговал, не видел. Мне номер зачем? Видел, он сел рядом. За рулем сидел другой человек.

Слушая южанина, Ивлев задумчиво кивнул головой в ответ.

– Ну да, действительно. Зачем вам запоминать номера?

– Правильно, дорогой товарищ начальник! Для меня главное – торговля. Идет торговля, будет доход. – Он улыбнулся, блеснув двумя рядами золотых зубов, и опять вспомнил про дыню: – Может, все-таки дыню? Сладкая! Вы такую еще не кушали. Век помнить будете.

– Мне столько не прожить, – мрачно ответил Ивлев.

А паренек протянул свободную руку к прилавку.

– Давай. Возьмем, раз ты так хорошо просишь.

Капитан погрозил воришке пальцем.

– Лучше молчи, а то я тебя привлеку к ответственности за абрикос.

Паренек насупился.

– За один абрикос не посадят.

– Я смотрю, ты слишком хорошо разбираешься по части кодекса. Не похож ты на малолетку.

На это паренек ничего не ответил, отвернулся.

– А вам спасибо за ценную информацию, – сказал Ивлев продавцу и повел паренька к входу в метро, где их уже поджидала оперативная машина.

Продавец проводил их нехорошим взглядом. Карманный вор тут всем здорово надоел, но разве он, торговец, мог рассказать про карманника оперативнику угро? Связываться с криминалом южанин не хотел ни под каким видом.

– Сейчас поедem в управление и побеседуем, – сказал Ивлев пареньку, усаживая его на заднее сиденье оперативной «Волги».

– Дяденька, отпустили бы вы меня? Мне домой надо. Мамка болеет. Отпустите, – наигранно захныкал юнец, стараясь действовать Ивлеву на нервы.

– Садись, говорю! Мы с тобой еще не закончили.

Паренек обреченно вздохнул и уселся на сиденье. Всю дорогу, пока ехали, он мучился догадками, появится или нет хозяин бумажника. «Лучше бы они его не нашли. Он мужик при деньгах, не то что эти мусора, голытьба в казенных штанах. Забрали бы они эти доллары себе! А если хозяин придет и напишет заявление, мне хана. Этот мент не выпустит. Законник!

Может, меня подставили? Только выйду, отомщу гадам. Очищу всех догола. Козлы! На ментов сработали. Конечно, этот мент взял меня по наводке». – Обида переполняла душу

карманника. Чтобы хоть немного отвлечься, он крутил головой по сторонам, глядел на мелькавших за окном людей и впервые за все время пожалел о своей судьбе. Он сейчас тоже мог бы пройтись с девушкой, как другие парни, и не бояться, что его возьмут на кармане и отвесят полный срок. Ведь судьбу не проведешь, кося под малолетку. И жил бы, как все люди, может, и бедно, зато спокойно. Да, видно, родился в ненужное время и теперь вот мучается.

И паренек опять вздохнул. Он не обратил внимания, что Ивлев разглядывает его лицо, разбирая аналитически. В общем-то приятная внешность, правильные черты, есть даже что-то интеллигентное. А главное – взгляд: прямой, открытый. Хочется верить каждому его слову. Когда-то такие ценились в комсомоле.

Открыв дверь своего кабинета, капитан Ивлев указал пареньку на стул.

– Располагайся, – сказал он, сам сел за стол, достал бумажник. – А теперь расскажи, как дело было? – спросил капитан обычной своей дежурной фразой.

Паренек посмотрел на Ивлева невинными глазами, словно вообще не понимал, зачем его сюда привезли и теперь задают вопросы, на которые он не сможет ответить. Он недоуменно повел бровями, округлив глаза.

– А какое дело? Про что вы?

«Нарочно ведь хочет мне на нервах поиграть, сопляк! Прекрасно понимает, о чем я. Так старательно кроит невинную рожицу. Тоже мне, мальчик из детского садика. Всыпать бы тебе по твоей тощей заднице, глядишь, больше не потянуло бы совать руки в чужие карманы», – думал капитан.

– Как бумажник оказался у тебя? – спросил Ивлев, ничуть не меняя тона. «Не старайся. Не удастся тебе поиграть на моих нервах. А вот я на твоих поиграю. Я обязательно разыщу владельца бумажника, и тогда посмотрим, кому из нас будет хорошо».

Еще перед началом этой неприятной беседы капитан послал водителя назад к Киевскому, чтобы тот отыскал и быстренько доставил в управление цыганку Дашу. Даша зналась со всей тамошней шпаной, валютчиками, разношерстным жульем.

Однажды Ивлев спас ее в перестрелке от пули, и теперь Даша считала себя должником перед капитаном. А ему многого от цыганки не надо, только кое-какая информация. В отделе розыска Ивлев специализировался на оперативной информации, отрабатывая до тонкостей агентурные связи.

На этот раз Ивлеву требовалось, чтобы Даша поглядела на паренька, тот ли это карманник, про которого доносили анонимы по телефону.

Паренек попросил воды.

– Пей на здоровье. – Ивлев налил ему из графина целый стакан.

Карманник влил его содержимое в себя, утер ладонью мокрые губы и сказал:

– Я ж вам уже все рассказал. Нашел я бумажник. – Он упрямо стоял на своем, не собираясь признаваться.

– Значит, нашел! Какой же ты везучий.

Паренек усмехнулся.

– Угу, везучий. – Он посмотрел на капитана с мальчишеским интересом, словно хотел спросить: ну что вас еще интересует? Ведь и так все ясно, а вы зачем-то пристаёте.

– Послушай, везучий, а фамилию, имя и отчество ты мне верно сказал? – настойчиво спросил Ивлев, записывая все сказанное пареньком.

– Да что вы в самом деле! – обиделся паренек и достал из внутреннего кармана джинсовой куртки паспорт! – Вот! Сразу не дал, думал – на слово поверите.

– Чего ж врал, говорил, что паспорт у тебя дома?

– Посмотрите, сами поймете, – ответил паренек равнодушно, будто махнув на все старания капитана рукой.

– Так, Сивков Роман Витальевич, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения. Ты, оказывается, совершеннолетний?

Паренек улыбнулся и развел руками: что делать, мол.

– Да. Я – Сивков Роман Витальевич. Паспорт, между прочим, настоящий. Прописан и проживаю в комнате на улице русского писателя Гоголя. Адрес точный, не трудитесь проверять. В армии не служил по причине плохого здоровья.

«Ну и мерзавец! Каков игрок, специально тянул с паспортом, выжидал, найдется ли хозяин бумажника или нет. Теперь уверен, что не найдется. И вот предъявил паспорт. Не рано ли?»

Паренек сидел, положив ногу на ногу, и покачивал коленкой. Длинные его пальцы усердно разглаживали джинсовую ткань. Вел он себя настолько спокойно, что капитан почувствовал несказанное раздражение. «Надо же, он еще по коленочке похлопывает, пацанчик!» – сердился Ивлев, сбитый с толку всеми противоречиями. С одной стороны, вроде воспитанный, прилежный мальчик, в школе небось отличником был. А с другой – хитрый, расчетливый воришка, карманник. Искусный артист. Прекрасно знает, на сколько выглядит, и на этом играет, засранец, косит под малолетку.

– Ладно. Хорошо. Допустим, бумажник ты нашел. А почему убежал, когда я тебе кричал остановиться?

Паренек посмотрел на Ивлева как на последнего дурака, которого встретил на своем пути. Его взгляд выговаривал: ты что, сам не понимаешь? Капитану даже захотелось отвернуться.

– Испугался я. Вы за мной побежали, я и испугался. Может, вы бандит какой. Удостоверение свое вы же мне не предъявили.

«Ух ты! В спину тебе, что ли, его предъявлять? Ты так бежал, только пятки мелькали. – Ивлев улыбнулся едва заметно, но его улыбка не обещала ничего хорошего. – Каков молодец! Ловко ты мне решил голову задурить. Ладно, поглядим, как ты вот на это среагируешь, умник».

– Я уж тебе кричал, что я из милиции. Почему не остановился? Неподчинение работнику милиции... – капитан предостерегающе покачал головой. Но Сивков ничуть не смутился, как сидел, так и остался в такой же непринужденной позе.

– Подумал, врите. Мало ли, остановишься, а вы, может, бандит. Нож в спину сунете.

– Хватит, – не выдержал Ивлев. Слушать болтовню паренька ему порядком надоело. – Заладил одно – бандит, бандит.

Сивков заметил его раздражение, открытое, несдержанное, и причмокнул языком: что, мол, капитан, нервишки-то слабоваты?

Ивлев позвонил дежурному в отдел милиции Киевского вокзала и спросил, не обращался ли к нему мужчина с заявлением о краже бумажника.

– Не обращался, – несколько растерянно повторил Ивлев слова дежурного, посмотрел на паренька.

Паренек ерзал на стуле от удовольствия, понимая, что теперь для него все закончится благополучно. Ну, подержит его здесь этот старательный капитан час-другой и отпустит. Оснований-то для задержания нет.

Тут в кабинет вошел вернувшийся водитель и шепнул Ивлеву, что доставил цыганку и она ждет в коридоре.

Ивлев повеселел. Теперь дело оставалось за малым.

– Хорошо. Садись за стол на мое место, посиди пока тут. А я сейчас, – и, убрав все бумаги в стол, Ивлев вышел в коридор. Дверь не стал закрывать плотно, оставил узкую щель, чтобы можно было видеть сидящего возле стола карманника.

Даша приветливо улыбалась. С Ивлевым поздоровалась, как с дорогим ей человеком.

– Здравствуй, дорогой Алеша! Рада тебя видеть всегда.

Темноволосый высокий капитан ей нравился. Он был не злой, не грубый, в чем-то даже слишком добрый, что, по мнению Даши, должно было мешать ему в работе. Да и где это видано, чтобы оперативник угро был добрым? Но вот Ивлев такой.

– Он справедливый человек, – всегда говорила она своим подельникам. Но им не нужна была его справедливость.

На вид Даша тянула лет на тридцать, на самом же деле была намного старше. Но свой настоящий возраст эта деловая цыганка тщательно скрывала, потому что очень любила молодых мужчин.

– Ты, Алеша, со мной встречаешься только по делам. А нет бы пригласить женщину в ресторан, посидеть, за жизнь поговорить.

– О чем ты, Даша? Когда мне по ресторанам ходить? Работы полно. Утром уйду на работу, а прихожу поздно вечером. А ты – ресторан...

Даша поморщилась.

– Нехорошая работа. Брось ты ее. Устройся в инофирму. Всегда при деньгах будешь. Уважать станут все. А милиция – так, ничего хорошего. – Даша пренебрежительно махнула рукой.

Ивлев улыбнулся, такое у нее сейчас было выразительное лицо.

– Ладно, Даша. Ты мне не для того нужна, чтобы меня распекать.

Цыганка внимательно посмотрела в глаза капитану.

– В моем кабинете сидит парень. Ты же знаешь нового карманника, который там у вас крутится?

– Дохлого? Видела несколько раз. В любую щель без мыла пролезет. Наши его побить грозились. Молоко на губах не обсохло еще. Со стариками считаться не хочет. А с народом так нельзя.

– Битьем, Даша, таких не отучишь воровать. Смотри, я сейчас побольше приоткрою дверь, а ты в шелку глянь. Он или не он?

Ивлев подвел Дашу к двери.

– Повнимательней смотри.

– Ох, возьму еще разок грех на душу, – озабоченно сказала цыганка.

– Да какой же это грех, Даша? Это добровольная помощь милиции.

– Нет. Закладывать, стучать – великий грех, – стояла Даша на своем.

– А обманывать людей – не грех? – спросил Ивлев, намекая на незаконную деятельность Даши по облапошиванию простаков.

Цыганка только хитровато улыбнулась.

– Это не грех. Это можно. Ведь я их уму-разуму учу. А учить – разве грех? В школе тоже учат уму-разуму. И никто на учителей не обижается. Жизнь – это тоже школа. И жить надо с умом.

– Ладно, Даша. Давай отложим дискуссию. Не время сейчас. Ты на парня посмотри.

Даша прислонилась к двери и тихонько сказала, чтобы ее не услышали в кабинете:

– А чего смотреть? Это он, дохлый.

– Спасибо тебе, Даша.

– А-а, – протянула цыганка. – Какая с вас может быть благодарность? Я могу идти?

– Конечно, Даша. Я сейчас скажу водителю, он отвезет тебя куда скажешь.

– Не надо. – Смуглое лицо цыганки выражало беспокойство. Она отступила к стене. – Нет, нет. Вашу машину все собаки знают. Что обо мне подумают? Скажут, Даша заделалась стукачкой. Я сама доберусь.

– Ну, как скажешь. До свидания.

Цыганка кивнула головой и быстро пошла по коридору, отворачиваясь от посетителей, чтобы не запомнили ее лица. Не хотелось ей встретить тут кого-нибудь из знакомых.

Ивлев быстро вошел в кабинет, обдумывая, как поступить теперь с Сивковым. Все же задерживать его не имело смысла. Раз он работает в районе Киевского, то деваться ему некуда. Сивков, конечно, не успел «наседеть» себе место, но территория кормовая. Значит, он с нее не уйдет.

«Надо будет установить за ним наблюдение и брать с поличным. Простой и верный вариант», – решил Ивлев.

– Спасибо, Коля. Иди, – сказал капитан водителю. Когда тот вышел, посмотрел на Сивкова с сожалением. – Ну что ж, будем считать, повезло тебе сегодня.

– Хорошее везение. Я бумажник нашел, хотел в милицию сдать. Мне двадцать пять процентов полагается.

Ивлев чуть не свалился со стула от такой наглости.

– Что? Ну ты и нахал!

Паренек отреагировал спокойно:

– При чем здесь это?

– Да при том, что так и есть! Я же видел, как ты в карман залез. Твое счастье, что обворованный тобой гражданин ушел.

Парень опять ухмыльнулся, не скрывая своей наглости.

– Потерпевшего нету? И свидетелей нету? Значит, и кражи не было. И ни один суд не возьмет в производство дело, если вы его захотите состряпать на меня. Нашел я бумажник, и все.

Ивлеву оставалось только вздохнуть. При всей неприязни к этому нахалу сделать ничего он не мог. Паренек был целиком и полностью прав. Капитан выписал Сивкову пропуск. Больше разговаривать с ним было не о чем. Да и разве такого перевоспитаешь? Никакая профилактическая беседа на него не подействует. «Затертый негодяй!» – подумал капитан и сказал:

– Ладно, иди. Спасибо за находку. А напоследок бесплатный совет. Завязывай со своим ремеслом, если, конечно, сможешь.

Парень уже встал, но перед тем как уйти, посмотрел на Ивлева с издевкой.

– Знаете, постараюсь обойтись без ваших советов. Да и чего они стоят? Разве вы можете посоветовать, как жить, когда половина страны без штанов? То-то! Не можете. А нравоучения читать не надо. Надоело их выслушивать, – эта последняя фраза прозвучала слишком дерзко, но капитан Ивлев ее воспринял спокойно.

«Его воспитала улица, – подумал капитан. – Потерянный человек. Если что, плакать о нем будет некому». Ивлев почувствовал себя бессильным что-либо исправить. Жалко таких пацанов, когда они попадают в камеру. Ведь там свой, особый мир и прятаться не за кого. Но как им все объяснить? Да и захотят ли они слушать объяснения?

Ивлев сидел и задумчиво смотрел на стул, на котором только что сидел Сивков. «Ушел и, наверное, посмеивается надо мной. А не сегодня-завтра попадетя и потянет срок. На казенных харчах еще больше отощает. Тогда, может быть, припомнит мой бесплатный совет», – думал капитан.

В коридоре стало как-то тихо. Не слышно голосов, и дверями кабинетов никто не хлопает.

Ивлев открыл дверь, увидел уборщицу с ведром и со шваброй. Она вежливо поздоровалась.

– Скажите, который час? – спросил Ивлев, только теперь сообразив, что его часы «Победа», подаренные отцом, встали.

– Да уж половина восьмого, – ответила женщина, ловко орудуя шваброй по кафельному полу.

Ивлев вспомнил, что обещал жене зайти за ней на работу. «Нехорошо получилось. Наташка теперь обидится. Плохой я муж. Собирались пойти в Ботанический, погулять». Он взглянул на часы как на источник семейных неприятностей. Ведь уже сколько раз хотел выбросить эти часы, но память об отце не позволяла. Когда-то сам Леонид Ильич Брежнев наградил Ивана Сергеевича Ивлева, полковника уголовного розыска, этими часами за отличную работу. И дарственная надпись на них имеется. Но, видно, всему есть свой срок. А может, награда оказалась слишком плохого качества.

Жена Наташа сидела у телевизора, смотрела сериал.

Ивлев не стал вникать, какой именно. Последнее время все каналы только и делали, что гоняли иностранную дешевку. Кому-то это нравилось. У Ивлева вызывало раздражение. Капитан Ивлев сериалы не любил, просто не выносил. Три, от силы четыре серии еще мог посмотреть. И все. Это его предел. А жена могла сидеть часами у экрана. Причем, как думал капитан, ей было все равно, «Санта-Барбара» ли там или «Мария», а может, «Жара в Акапулько». Она одинаково разбиралась во всех сериалах до тонкостей и то и дело переключалась с канала на канал.

Ивлева такой расклад даже устраивал. Иногда приходилось задерживаться на работе допоздна, и он точно знал – его молодая жена никуда не убежала с подружками, а честно дожидается мужа дома, проникаясь душевными переживаниями за судьбу героев очередной «мыльной оперы».

По этому поводу товарищ Ивлева по работе Игорь Квасов не раз подшучивал, скорее от зависти. Так, по крайней мере, думал Ивлев. Ведь от самого Квасова жена ушла три года назад, не выдержав семейных мытарств. Детей у них не было, и от скуки эта самая Лариса стала слишком часто встречаться со школьными друзьями. В результате они с Квасовым расстались, и она вышла за какого-то своего однокашника.

И Квасов теперь всячески завидовал Ивлеву. Наташа ему нравилась до безумия. Конечно, старший лейтенант Квасов допустимых границ не переходил и вольностей в отношении жены сослуживца не позволял. А Ивлев его ревновал. Еще с юности у Ивлева оставалось нехорошее свойство – ревность. Он любил Наташу и ревновал. Ревновал к Квасову. Ревновал к покупателям-мужчинам и даже на улице. Понимал, что это глупость. Но ничего с собой поделать не мог. И иногда из-за его проклятой ревности у него возникали скандалы.

Наташа старалась не давать ни малейшего повода для ревности и просила своего капитана встречать ее, как делают другие мужья. Но с этим получалось не всегда. Работа не позволяла. И Наташа, возвращаясь домой одна, готовила ужин и терпеливо дожидалась своего боевого капитана.

Заглянув в кухню, Ивлев увидел на столе две чашки, кофейник, сахарницу и тарелку с печеньем. «Кто-то у нас был в гостях», – сообразил он.

– Наташа, извини, часы подвели. Понимаешь, так получилось. Не сердись, – попытался оправдаться капитан, отложив вопрос о госте на потом.

– Я, между прочим, тебя ждала. Как дура стояла возле закрытых дверей магазина. Все разошлись, а я все стояла. Леш, хоть бы позвонил. Согласись, со стороны я выглядела глуповато.

Ивлев тут же представил ее одиноко стоящую у закрытых дверей. Люди спешат по тротуару, а она стоит. «Действительно, глупо», – согласился он.

– Извини, Наташа, – он подошел, поцеловал жену в щеку.

Она увлеченно смотрела свой сериал, на поцелуй не отреагировала лаской, приняв его как должное.

– Наташа, ну поколоти меня, нехорошего. – Ивлев наклонил голову, подставив шею.
– Не-а. – Наташа покрутила головой, не отвлекаясь от экрана. Обида на мужа еще не прошла. Сам обещал и не пришел.

Ивлев решил поступить иначе. Напустив на себя строгий вид, он озабоченно спросил:

– Наташа, кто у нас был?

– Игорь Квасов. Он проезжал мимо, увидел меня на улице и подвез. Пришлось в благодарность угостить его кофеом, – сказала жена из другой комнаты.

Ивлев поставил чашки в мойку. «Он, видишь ли, проезжал. А чего ему, спрашивается, там проезжать? Живет в другом конце Москвы и вдруг решил проехать. Это он нарочно».

– Наташа, только кофеом?

Не хотелось, чтобы муж опять учинил скандал. Наташа уже поняла свою оплошность и сразу забыла про обиду.

– Леша, не говори глупости. А потом он сам напросился. Не могла же я ему сказать «нет». Неужели тебе жалко кофе?

– Кофе мне не жалко. Мне жалко жену. Он, подлец, хочет тебя увести от меня. Дождется, набью ему морду. – Ивлев хотел пошутить, а прозвучало вполне серьезно.

– Из-за меня еще никто не дрался. Наверное, это выглядело бы здорово. Но я не могу допустить, чтобы мой муж решился на такое. Иди вымой руки, драчун. Они тебе понадобятся для другого. Сейчас ужинать будем.

С самого начала Ивлев старался скрыть свое настроение, но Наташа заметила это, спросила:

– Что-нибудь случилось на работе? Я не думаю, что ты так расстроился из-за Игоря.

– Да все нормально. Не приставай, пожалуйста.

– Нет, говори. Я твоя жена и настаиваю, чтобы ты рассказал, – проговорила она шутливо.

– А почему ты вообще решила, что я расстроен? – Ивлев вспомнил про неудачу с карманником. Но не станешь же служебные дела обсуждать с женой.

Наташа посмотрела ему в глаза. Ивлев отвел взгляд, сделал вид, будто занят загрузкой посуды в мойку.

– Вижу. Мой милый, женские чувства устроены тоньше мужских. Ты разве не знал?

– Не знал, – признался капитан. – Теперь буду знать. А Игорь мне, честно говоря, неприятен. Клеится к тебе.

Наташа усмехнулась, усадила мужа на стул, сама села к нему на колени, обняла за шею.

– Мало ли к кому он клеится. А я клеюсь к тебе. К своему мужу. – Она поцеловала Ивлева в губы, прижимаясь к нему.

«Опасно иметь красивую жену. Она всегда будет объектом повышенного внимания», – подумал Ивлев и сказал:

– Наташа, я тебя очень прошу, не садись больше в машину к Квасову. Ладно?

Она улыбнулась, стирая ладошкой помаду с его губ.

– Ни за что не сяду. Буду дожидаться тебя. Хоть целую вечность.

– Наташка, – Ивлев хотел опять извиниться перед женой, – часы...

Но Наташа остановила его:

– Эти злосчастные часы вносят разлад в нашу семейную жизнь. На день рождения я тебе куплю новые. А сейчас давай пельмени лопать. Я ведь тоже не ужинала. Тебя ждала.

Ивлев хотел сказать, что он даже не обедал. Но промолчал. Не хотелось, чтобы его слова прозвучали как жалоба. Ведь сам виноват.

После ужина решено было пойти погулять. Но прогулка не состоялась. Неизвестно откуда взявшиеся тучи заволокли все небо, и пошел дождь.

Вмиг на тротуарах расплзлись большущие лужи с крупными пузырями – верный признак того, что теперь дождь надолго.

Частые капли долбили по подоконнику, забрасывая мелкие брызги в открытую форточку.

Ивлев и Наташа стояли, обнявшись, у окна и смотрели на промокших прохожих, которых выгнала на улицу необходимость, и теперь благодаря ей они, насквозь промокшие, рисковали простудиться.

– В дождик клев хороший. В субботу поедем на наше озеро? Я рыбы наловлю, а ты ухи сваришь. Возьмем палатку. Или на худой конец можем прямо в машине переночевать.

Наташа закапризничала:

– Ну-у! В машине тесно. Лучше палатку взять.

– Ладно. Там на озере хорошо, правда?

– Правда, – ответила Наташа, прижимаясь к Ивлеву, как котенок. Капитану сделалось чертовски приятно. Он почувствовал себя ответственным за жену. Хотелось ласкать ее, заботиться о ней. Так хорошо сейчас, когда она рядом.

– А когда у нас родится сын, мы в соседней деревне купим дом. И, может быть, корову заведем. Будем поить сына молоком. Не каким-то порошковым, а натуральным. А потом, может, и жить туда переедем. На природу. Представляешь, как хорошо проснуться на заре, когда на траве еще лежит роса? И босиком походить.

Наташа рассмеялась. Она не представляла себе всего этого. В отличие от Ивлева она родилась в Москве. «Но, наверное, в самом деле проснуться на заре хорошо. Посмотреть, как поднимается солнце. Как зарождается новый день. Может быть, Ивлев прав – это маленькое таинство сотворения нового мира», – думала она.

– Ивлев, ты неисправимый мечтатель. Сколько тебя знаю, все ты такой, – сказала она, смеясь.

– Я тебе не нравлюсь? Только смотри не ври! Отвечай честно. – Он крепче обнял жену, глядя ее каштановые волосы.

– Это семейный допрос? С пристрастием или без? – шутливо спросила Наташа. Ей нравилось, когда Алексей так обнимал ее. Она стояла перед ним, молодая, красивая, и ему казалось, что от нее исходит какой-то радужный свет. Ивлев его не видел, но чувствовал всем своим телом. Этот свет звал его, притягивал, и Ивлев ничего не мог с собой поделать.

Она смущенно улыбалась, как в первый раз.

Руки Ивлева пробежали по пуговицам на халате, и Наташа осталась в узких трусиках и шелковом полупрозрачном лифчике, сквозь который были видны ее большие груди с пухлыми сосками.

Сделалось жарко. Ивлев почувствовал такой же жар и от Наташи. Он опустил руки и стащил с нее трусики, потом сдернул и лифчик.

Освободившись от него, груди то поднимались, то опускались.

Наташа дышала часто и глубоко.

Ивлев скользнул языком по ее горячему телу и жадно схватил сосок губами. Он видел в трюмо ее отражение в полный рост и трясся от возбуждения.

Наташа гладила его по волосам и шептала:

– Тихо, Алеша. Тихо.

Но он уже ее не слышал. Он дрожал, чувствуя, как все падает, летит куда-то. Он видел только ее, красивую, обнаженную. Трогал руками пучок ее мягких вьющихся волос.

И она вся тряслась, съедая его глазами, впиваясь ногтями то в спину, то в напряженные мышцы на ягодицах.

– Леша! – закричала она что есть силы. И весь мир опрокинулся, провалился в пустоту...

Утром Алексей Ивлев, как всегда, забрал у оперативного дежурного сводку за текущие сутки и, не вчитываясь в ее содержание, пошел к себе. В коридоре встретил старшего лейтенанта Квасова. Тот выходил из экспертного отдела, держа в руке несколько фотографий.

Квасов так увлекся их разглядыванием, что чуть не столкнулся с Ивлевым.

– Порнографией интересуетесь, лейтенант? – Ивлеву захотелось хоть чем-нибудь поддеть Квасова за чрезмерное внимание к жене. «Мало ли кто кому нравится», – подумал капитан, поглядывая на подчиненного не слишком дружелюбно.

Квасов не понял сразу, к чему этот вопрос. Посмотрел удивленно, медленно переваривая его. Он вообще считался тугодумом. В шутку, что ли, спросил капитан? Решил – в шутку.

– Точно. К чему еще остается проявлять интерес холостому мужчине?

Ивлев машинально взглянул на одну фотографию и резко остановился. Взял все фотографии из руки лейтенанта.

– А ну покажи.

На пяти фотографиях был снят труп карманника Сивкова, запечатленный в разных позициях. Зрелище оказалось ужасным. Даже бегло взглянув на фотографии, Ивлев понял: карманника жестоко пытали и, только насладившись досыта его мучениями, прикончили выстрелом в голову.

– Ты чего, Алексей? – Квасов с интересом уставился на Ивлева. Сколько таких фотографий им приходилось видеть! – Что тебя так заинтересовало, Алексей?

Не ответив на вопрос лейтенанта, Ивлев спросил:

– Где обнаружен труп этого парня?

– На Бережковской набережной. В куче мусора.

– Недалеко от Киевского?

– Недалеко... А что, собственно, тебя заинтересовало?

– Я этого парня два дня назад взял с поличным у Киевского, он вытянул у одного крутого бумажник с долларами. Свидетелей не нашлось. Потерпевший смотался. В общем, доказать кражу оказалось невозможным. И вот теперь этот паренек мертвый.

– Алексей, не мне тебе говорить. Сам знаешь, у всех этих карманников конец один. Или тюрьма, или пуля в голову. Другого быть не может. Не захотел делиться. Или мешал кому-то. Чего сейчас об этом? Он ведь знал, на что идет.

Ивлев стоял, но у лейтенанта впечатление было такое, будто капитан его совсем не слушает, погруженный в свои мысли. Он держал в руках фотографии, словно обдумывал, куда их теперь деть. Разве только пополнить коллекцию фотокартотеки угро, на которой почти все снимки похожи. На них в большинстве – трупы.

– Да, пожалуй, он кому-то мешал. Эти звонки к нам... – проговорил капитан все еще задумчиво. – Материал по факту смерти у тебя?

– У меня.

– Знаешь что, занеси мне протокол осмотра места происшествия. И заключение экспертизы, как будет готово. Надо установить, из какого оружия он убит. Я думаю, что сумею тебе по этому делу помочь. Сейчас вот так с ходу ничего объяснить не могу. Извини. Чуть позже.

– Ладно. Через полчаса все бумаги будут у тебя, – сказал Квасов и пошел, а Ивлев еще стоял и смотрел на фотографии. «Эх, Сивков, Сивков! Не прислушался ты к моему бесплатному совету», – мысленно укорял он карманника.

Какое-то странное чувство испытывал сейчас капитан Ивлев. Будто отдаленная тревога подбиралась к нему, к самому сердцу. И чем ближе она подбиралась, тем тоскливее становилось на душе. Не думать бы об этом Сивкове, да мысли сами лезут. Его нет в живых, а капитану почему-то подумалось, что со смертью этого чужого ему человека ничего не закончи-

лось, а, наоборот, только начинается. И будет еще продолжение. Тревога обострила чувства. Ивлеву не мог ей найти объяснения. «Ерунда какая-то лезет в душу», – думал капитан. Сам не зная зачем, достал из сейфа краденый бумажник, заглянул в него. Вытащил доллары, а вместе с ними на стол выпал небольшой клочок бумаги.

Странно, вроде осматривал бумажник тщательно, а этот клочок не заметил. «Наверное, прилип к стенке бумажника», – подумал капитан и вывернул бумажник наружу. Но, кроме полутора тысяч рублей, в нем больше ничего не оказалось.

На бумажке были небрежно записаны пять цифр: сто пятьдесят восемь – восемьдесят три. Что они означали, капитану Ивлеву было неизвестно. Это мог быть телефонный номер или шифр. Ничего дельного в голову капитану не пришло. Ясно только одно: цифры написаны неровно, даже коряво, а значит, в спешке. Или в автобусе, или в каком-то другом транспорте. Писавшего их встряхивало, вот они и получились неровными.

Капитан Ивлев ждал в своем кабинете лейтенанта Квасова. Но прошло более часа, а Квасов так и не пришел.

Пришлось позвонить забывчивому лейтенанту. Квасова на месте не оказалось, в трубке раздавались длинные гудки. Ивлев подождал несколько минут и позвонил опять.

– Где его черти носят! Ну, если болтается где-нибудь по отделу! – Ивлев решил устроить лейтенанту хорошую взбучку. На всякий случай позвонил оперативному дежурному, и тот сообщил, что лейтенант Квасов вместе с оперативной группой выехал на убийство.

– Еще одно? Только этого нам не хватало. Как вернется Квасов, пусть сразу ко мне зайдет, – попросил Ивлев.

Вернулся Квасов только к вечеру. Уставший, но, как всегда, с улыбкой. Спрашивается, чего улыбаться, не на прогулке был. Но Квасов был такой. Жена ушла – улыбается. На совещаниях, когда требуется максимум серьезности, он и то едва заметно улыбается. Не раз доставалось ему за эту улыбку от полковника Махова. А он в ответ, что не улыбается, а просто лицо такое. На него в конце концов махнули рукой. Пусть себе улыбается. Иногда даже подшучивали, как над чудаком. Но сейчас его улыбка у капитана Ивлева не могла вызвать ничего другого, кроме раздражения.

Зайдя к Ивлеву, Квасов сразу стал хвастаться, как профессионально действовал по раскрытию преступления, надеясь услышать от заместителя начальника похвалу.

– Убийца пока еще не найден, но это, как говорится, дело техники, – все так же хвастливо закончил он объяснение и приготовился выслушать мнение капитана Ивлева.

Ивлев хмурился.

– Я же просил тебя принести мне бумаги, – строго напомнил капитан. – Неужели нельзя было перед выездом зайти, занести две бумажки?

Квасов все понял, и улыбка пропала. Он посмотрел виновато.

– Извините, товарищ капитан. Сейчас принесу. – Он уже хотел выйти из кабинета, лишний раз убедившись, насколько сильно Ивлев не уважает неисполнительных подчиненных, но капитан попросил на минуту задержаться.

– Куда вы выезжали? – спросил Ивлев.

Квасов, стоявший у двери, обернулся.

– На Мичуринский проспект, дом сто пятьдесят восемь. Банкира застрелили. Но мы там поработали, – сообщил Квасов не без гордости. – Кой-кого из местных авторитетов потрясли.

Ивлев сидел с задумчивым лицом. Следом за Квасовым машинально повторил:

– Сто пятьдесят восемь, – и тут же спросил, удивив лейтенанта: – Квартира – восемьдесят три?

Квасов раскрыл рот.

– Да-а, – протянул он, соображая, откуда капитан мог узнать номер квартиры. Догадался: «Дежурный сказал». Но вспомнил, что как раз номер квартиры дежурный дал не восемьдесят три, а сорок три. Ошибся. Позвонившая на пульт женщина номер квартиры произнесла невнятно. Дежурный записал и этот неточный номер назвал оперативной группе. Это потом, на месте, где было совершено убийство банкира Бондыря, они уже установили точный номер квартиры.

– А вы, товарищ капитан, откуда узнали про номер квартиры?

Ивлев молча достал из бумажника маленький клочок бумажки с цифрами, показал Квасову. Но тот так ничего и не понял. Стоял и молча таращил глаза то на бумажку, то на капитана Ивлева.

– Она была в бумажнике, который стащил Сивков из кармана того гражданина... – Ивлев не закончил, припоминая лицо человека – владельца бумажника. – На Киевском...

– Может, совпадение? – неопределенно спросил Квасов, оставляя право высказать окончательное мнение Ивлеву.

– Не думаю. При нашей работе верить в совпадения нельзя. Знаешь что, поезжай... Хотя нет. Давай наудачу. Ты на машине?

– На машине. А что? – спросил лейтенант, не совсем понимая, чего хочет Ивлев.

– Надо опросить соседей, – сказал Ивлев. Его предложение прозвучало как устное распоряжение.

Квасов протяжно вздохнул.

– Да мы опрашивали, – попытался Квасов убедить капитана отказаться от затеи ходить по квартирам. Дело нудное. Но, зная настойчивость Ивлева, особо не старался. «Разве такого упряма отговоришь?»

Снова ехать туда не хотелось. Но Ивлев стал приводить доводы, убеждая лейтенанта:

– Во-первых, вы опрашивали днем. А днем, как известно, большинство людей на работе. Или же отсутствуют по делам.

Лейтенант Квасов хотел сказать, что в этом доме в основном живут люди, которые вообще неизвестно когда, где и кем работают, и почти всех жителей подъезда уже опросили. Но промолчал. «Ну его, этого сумасброда! – решил Квасов. – Ведь не отвяжется. И как с ним бедная Наташка живет, с таким фанатиком? Ему дай волю, он днем и ночью будет сидеть на работе. А она, дурочка, его ждет. Заботится».

– Во-вторых, – продолжал Ивлев, – я сейчас попрошу сделать портрет того человека. И с этим портретом мы еще раз обойдем квартиры. Сделаем фоторобот, и все будет нормально, – заверил Ивлев. По его лицу нетрудно было догадаться, что он рассчитывает на удачу.

«Жди, как же! Какой умный, а мы все дураки», – злорадствовал лейтенант. Капитан Ивлев ему не нравился. Всего-то на три года старше, а смотри – уже заместитель начальника отдела. Махов уйдет на пенсию, и он запросто на его место. «Больно шустрый», – думал Квасов.

– Только я сейчас позвоню жене. Надо предупредить, что задержусь. Чтоб не беспокоилась, – сказал Ивлев и схватился за телефон.

«Везет тебе, капитан. Все тебе: и должность, и жена-красавица. Молодец Ивлев!» – Но в мысли этой была зависть, а не похвала.

К словам капитана Квасов отнесся с пониманием и, как человек тактичный, вышел в коридор.

Ждать Ивлева ему пришлось недолго. Минуты через три тот вышел несколько хмурый.

«Что, получил от жены? Так тебе и надо. Выбирай – или жена, или работа. Ну, что выберешь? Лично я выбрал бы твою жену», – мысленно усмехнулся лейтенант Квасов.

– Пойдем в аппаратную. – В голове Ивлева уже не чувствовалось прежнего энтузиазма.

В аппаратной они проторчали почти час, составляя по памяти капитана Ивлева портрет того человека, у которого карманник Сивков стащил бумажник.

Но Ивлеву все-таки следовало отдать должное. Зрительная память у него оказалась отличной, и, когда компьютер выдал портрет, Ивлев сказал:

– Он. Точная копия. – Потраченного времени ему было не жаль.

Лейтенант Квасов ничего не сказал, но подумал: «Ну и рожа. Ты не напутал, капитан?»

Словно угадав его мысленный вопрос, Ивлев заключил:

– Похож как две капли воды.

Квасов тоскливо посмотрел на часы. Было уже без четверти восемь. Вспомнил о назначенном свидании с очаровательной блондинкой из шоу-группы Малевича, и на душе сделалось скучно. «Уламывал эту длинноногую прелесть две недели. И вот, когда удача засветилась и она пожелала отдаться, этот Ивлев все испортил. Эх-х, закон подлости! Вот уж поистине разврат есть грех». – И лейтенанту стало на все наплевать.

А Ивлев не унимался:

– Поехали, Игорь, поскорее. Я обещал Наташе вернуться к девяти часам.

«Смотрите на него! Он обещал! А я к кому теперь вернусь? Ну погоди, вот уведу у тебя Наташку, тогда узнаешь», – думал Квасов.

– Ладно. Поехали, – сказал он, не выказывая особого желания куда-либо ехать. Обида захлестывала сердце лейтенанта. «Не доверяет, что ли? Ведь полдня бегали по подъезду, собирали показания жильцов. И никто ничего путного, что могло бы оказать помощь следствию, не сказал. Одна бумажная морока. А этот дуралей на что надеется?» – думал лейтенант, садясь за руль своей новенькой «шестерки».

Лейтенант Квасов молча мерил этажи вслед за Ивлевым и недовольно сопел. Все вышло так, как он и ожидал. Люди встречали их недружелюбно, разглядывали составленный Ивлевым портрет и только разводили руками. И ни слова для пользы дела.

А в одной квартире старик, инвалид войны, просто-напросто послал их по матушке. Ну что с таким станешь делать? Восьмидесятилетнему дедуле до лампочки все административные наказания. Да и кто с ним станет мараться?

Квасов в душе радовался. «Нечего было соваться! Ведь говорил тебе, предупреждал! Настырный ты, Ивлев. Видишь, не всегда польза от твоего упрямства. Попадет тебе от Наташки».

– Ерунда какая-то, – раздосадованно проговорил Ивлев. – И с чего я решил, что этот человек имеет отношение к убийству банкира?

Тут Квасов не выдержал. Молчать дальше не имело смысла. «Может, длинноногая еще ждет?»

– А я не знаю, – сказал лейтенант и ухмыльнулся.

– Ладно. Пошли отсюда, – заявил Ивлев и направился вперед.

Квасов поплелся следом.

Они уже собрались выйти из подъезда, как дверь квартиры на первом этаже отворилась, и из прокуренного коридора вывалилась маленькая старушка с черным пуделем на поводке.

– Всю квартиру продымил, – ворчала она на кого-то из своих домочадцев. – Ни днем, ни ночью покоя от тебя нет. Хоть пожарных вызывай.

Квасов прошел мимо, не обращая внимания на старуху. А Ивлев решил еще раз испытать удачу и показать ей портрет.

– Чего вы мне эту бумажку в нос тыкаете? – возмутилась бойкая старуха, дергая за повод рвавшегося к дверям пуделя. – Я милицию не вызывала. Но раз пришли, заберите моего внука.

– Извините, – попытался Ивлев тактично объяснить, для чего они здесь, но старуха не хотела слушать, упрямо твердила свое:

– Уже взрослый, балбес! Харя вот такая. Сидит и обкуривает меня с утра до ночи. Нарочно. Чтобы бабка скорей умерла. А квартира – ему. Не дожدهшься! – погрозила она двери сухощавым кулачком. – Попьет, пожрет и опять курит, бабкину пенсию ждет.

– Одну минуту, – теряя терпение, перебил Ивлев скандальную старуху. – Я обязательно передам вашему участковому. Он вас навестит.

– Да плевал он на участкового! Так он его и испугался! Участковый маленький, щуплый, а я своего амбала под два метра вырастила, откормила. Люстру башкой качает. Ничего не делает, только по квартире слоняется. Как на одну пенсию я его могу содержать? За квартиру заплачу. За телефон, за свет... – Старуха сощурила подслеповатые глаза, разглядывая листок бумаги с портретом, который взяла у Ивлева. – Погодите... – Она встала под лампочкой, присмотрелась. – Я ведь без очков плохо вижу. Восемьдесят седьмой год бабке пошел. Ну и кто это? – поинтересовалась она.

– Мы хотели спросить, вы случайно этого человека на днях тут не видели? – спросил Ивлев.

Старуха удивилась.

– А почему на днях? Я его вчера видела. Возле лифта ковырялся. Лифт у нас часто не работает. Наказание, а не лифт.

– Подождите, – остановил Ивлев словоохотливую старуху. – Вы говорите – вчера? Где?

– Вот тут, молодой человек, – обиделась старуха за то, что Ивлев не позволил ей выговориться, – возле лифта. Стоял. Я подумала, слесарь из жэка. Он и подвальный люк осмотрел.

– Так-так. Минуточку. Значит, он стоял?

– Ну да. Стоял вот здесь, – показала старуха.

Ивлев ткнул пальцем в портрет.

– А вы не ошибаетесь? Он?

– Я еще из ума не выжила.

– Да нет-нет. Я ничего такого не имел в виду. Просто для нас ваше опознание очень важно, – сказал Ивлев вежливо. Это подействовало. Старуха подобрела.

– Он! Он еще обернулся, посмотрел на меня. А я подумала – время-то пол-одиннадцатого вечера. А слесаря разве по вечерам работают?

– Правильно. Хорошо мыслите, – похвалил Квасов бабульку за сообразительность. Но старуха его слова как будто бы не расслышала. Главным начальником она считала Ивлева.

– Не работают. Их и днем-то не дозовешься. А этот то нажмет кнопку, то отпустит. И так раз десять. Чего нажимать-то? Я постояла, посмотрела. И он на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я б ему ответила. Я знаю, что сказать. Умник какой! Морда наглая. Того и гляди нож достанет.

– Подождите. А потом что? – спросил Ивлев, опасаясь, как бы старуха чего не забыла. Лицо старушки сделалось задумчивым.

– Потом ничего. Я пошла гулять со своим Лоботрясом...

– Простите, с кем? – спросил Квасов, глядя пуделя по голове.

– Да с собакой. А когда вернулась, его уже в подъезде не было.

Ивлев не мог спокойно стоять на месте. «Здорово! Это уже кое-что. Теперь надо зайти в контору и узнать, есть ли там такой слесарь?»

– А банкира где убили? – спросил Ивлев у лейтенанта. Но за него ответила старуха.

– Вот тут, в лифте, – показала она скрюченным пальцем. – И дверь не успел закрыть. Кровищи-то море было! Порошком посыпали.

– Правильно, в лифте. Спасибо вам большое. Надеюсь, вы не откажетесь оформить ваши показания письменно? – Ивлев произнес эту фразу так, словно оказывал старухе доверие.

– Пойдемте ко мне, заодно моего внука пострашаете, – предложила она, нашаривая рукой в кармане ключ.

– А вы же с собакой хотели погулять, – спросил Квасов, жалея подвывающего пуделя, которому не терпелось справить нужду.

– С Лоботрясом? Ничего! Жди! – рявкнула она на пуделя так, что тот сжался, покорно сел и опустил голову. – И смотри: если угол обмочишь – на улицу выкину! По помойкам будешь шляться.

Лоботряс тихонько заскулил. Кажется, он понимал все, о чем говорила старая хозяйка.

– Простите за любопытство, – улыбнулся лейтенант своей обычной улыбкой, – а зачем вы вообще завели собаку? От скуки, что ли?

– Я завела? Это мой внук притащил, назвал Лоботрясом. Какой сам, такая и собака. Редкая, говорит, кличка. Сам – балбес. Собака умней его. А сколько этот Лоботряс жрет! Больше меня. Мученье, а не жизнь. И когда только отмучаюсь?

Милиционеры переглянулись и улыбнулись.

Старуха достала из кармана ключ, отперла дверь.

– Пошли, – позвала она милиционеров и пристегнула собаку за поводок к дверной ручке. – Пусть на площадке посидит. Смотри! Не балуй! – пригрозила она Лоботрясу.

Возвращались Ивлев с Квасовым довольные. Ведь показания старухи стоили потраченного времени.

«Везет этому Ивлеву», – с завистью думал лейтенант Квасов.

А капитан словно подтрунивал над ним.

– Вот видишь! Я же говорил, – заявил он не без гордости. – Я чувствовал: есть связь между этим человеком и убийством банкира.

Квасов решил отпарировать.

– Ну не зря же ты заместитель начальника отдела, – ответил он несколько иронично. Получилось даже язвительно, хотя злого умысла в сказанной фразе не подразумевалось. Сказал первое, что пришло на ум. Испугался – вдруг Ивлев обидится, но капитан промолчал.

Надо было как-то вывернуться из неловкого положения, и Квасов поспешил добавить:

– А вдруг это всего лишь случайность? Зашел человек в подъезд. Ну, покрутился возле лифта, и что с того? – предположил Квасов, внимательно наблюдая за дорогой, чтобы не садануть кого-нибудь из едущих впереди. Вечером все лихачи словно взбесились. Только успевай смотреть, если не хочешь попасть в аварию.

– А зачем ему крутиться без нужды возле лифта? – возразил Ивлев. – Разве он приходил к кому-нибудь в гости? Никто его не видел, кроме этой старухи.

Квасову оставалось только согласиться.

– Действительно. Скорее всего он приходил заранее осмотреть место предполагаемого убийства. Все просчитал, чтобы не допустить оплошности.

– Конечно. Он стоял в тени под лестницей и выжидал. Когда Бондырь подошел к лифту, выстрелил в него, спустился через люк в подвал и спокойно вышел из другого подъезда. Потому что, как ты помнишь, водитель банкира еще не отъехал, увидел забытый Бондырем «дипломат» с документами, пошел вернуть и обнаружил труп.

– Да. И он сказал, что из подъезда никто не выходил, – добавил Квасов, следя за мыслью капитана Ивлева.

– Вот именно. Значит, мое предположение верное. Он выстрелил и ушел через подвал. В образовавшейся суматохе на него скорее всего никто и внимания не обратил. Он даже, может быть, стоял тут в толпе, когда подъехали милиция и «Скорая».

На это Квасов ничего не возразил. Такой расклад его устраивал.

Наверное, этот служебный разговор мог продолжаться до бесконечности, но они подъехали к дому Ивлева.

– Ну, до завтра. Я пошел, – сказал Ивлев, вылезая. – Ох и влетит мне от жены! Обещал вернуться в девять.

Квасов посочувствовал. Уже когда Ивлев вылез, он не удержался, сказал:

– Леш, у тебя замечательная жена.

Ивлев остановился.

– Я знаю, – ответил капитан, почему-то испытывая огромное желание побыстрее вернуться к Наташе.

– Только не обижайся на меня. Она мне очень нравится.

– А я ее люблю, – сказал Ивлев и быстро пошел к подъезду, чувствуя себя под взглядом Квасова как под прицелом. «Небось думал, я его на чашку кофе приглашу. Нет уж! Хватит на мою Наташку пялиться», – не без обиды думал Ивлев. Опять будоражила ревность.

Наташу он увидел стоявшей у окна. Она не вышла его встретить, стояла и грустными глазами смотрела на опустевшую улицу и на редких прохожих. Смотрела безо всякого интереса, как на что-то само собой попавшееся на глаза.

«Опять я виноват». Ивлев попробовал подыскать какое-нибудь подходящее объяснение и не нашел. Он подошел, обнял Наташу и поцеловал в щеку.

Наташа никак не ответила на поцелуй. Она словно не замечала Ивлева. Стояла и смотрела в окно.

– Наташка, не сердись, пожалуйста, – попросил Ивлев. – Извини меня. Так получилось. – Он пытался подлизаться к ней и готов был на все, лишь бы она не обижалась.

Она молчала. Лицо ее было задумчивым и еще более красивым.

И ему вдруг стало страшно от ее красоты. «Разве возможно, чтобы в человеке было такое сочетание: прекрасный, мягкий характер, доброта, ум и красота?» – мысленно спрашивал он себя.

– Ты знаешь, о чем я сейчас подумала? – неожиданно спросила она, заставив его отвлечься от своих мыслей.

Ивлев неопределенно пожал плечами, не выпуская ее из своих объятий.

– Нет, – ответил он, пытаясь проникнуть в ее мысли, но даром телепатии природа его не наделила. И он не мог ни угадать, ни понять ее состояние. Оставалось самое простое. – Ты сердишься на меня за то... – договорить он не смог.

Наташа чуть улыбнулась и покачала головой.

Она все так же стояла к мужу спиной, смотрела в окно на залитую огнями вечернюю улицу и как будто разговаривала сама с собой, выражая свои мысли вслух. Не заботясь, будет ли услышана или нет.

– Я подумала о том, как буду ждать тебя вот так по вечерам и гадать, вернешься ли ты живой и невредимый со своей дурацкой работы.

– Наташа... – начал было Ивлев, но она и на этот раз не дала закончить фразу.

– Не говори ничего. Я знаю, что такое чувство долга. Но я знаю, и какое сейчас время. Когда милиционеры погибают пачками, а их женам потом даже не могут выплатить материального пособия на малолетних детей. Так о каком же долге надо говорить?

– Что с тобой, Наташка? Почему такое упадническое настроение? – поинтересовался Ивлев, пытаясь угадать источник внезапно нахлынувшей на жену грусти и приходя к мысли, что скорее всего это от одиночества. «Ей слишком часто приходится проводить время одной.

Телевизор не может заменить элементарного общения. Она молодая, а сидит взаперти. Даже к подругам не ходит. Да вообще никуда. Это ужасно. Еще ужасней сознавать, как ты отравляешь жизнь близкому человеку».

– Из-за тебя, Леша. Просто ты у меня малость чудаковатый парень. Ты ни за что не возьмешь взятку. Не нагрубишь. Не обидишь никого зря. Ты считаешь, что все должны жить по совести. Скажешь, все, что я говорю, банально? Но ведь ты действительно такой.

Ивлев невесело улыбнулся и пожал плечами, не найдя слов для возражений. Да и нужно ли было сейчас возражать? Он решил дать Наташе возможность выговориться.

– Да. Ты такой. Но я знаю, Леша, около таких людей всегда ходит беда. Они обречены на вымирание, как динозавры, потому что в жизни все иначе. А они не могут приспособиться и пытаются жить по каким-то своим придуманным законам. Кроме них, никому не нужным.

– Наташка, милая, любимая, да что с тобой в самом деле? Тебе грустно одной?

Она обернулась к нему. Ее лицо было все в слезах.

– Мне страшно, Леша. Страшно всегда, когда ты задерживаешься вечерами. И я не знаю, что с тобой.

Ивлев обнял жену, прижал к своей груди.

– Ты просто устала меня ждать. – Он хотел пообещать, что больше постарается не задерживаться, но подумал и не сказал. Ведь при его работе давать такие обещания нельзя.

Наташа доверчиво положила голову ему на плечо, обхватив руками шею.

– Леш, ведь ты же еще после свадьбы обещал сменить работу. Неужели ты не можешь перейти куда-нибудь в штаб или кадры, а?

Ивлев вспомнил, что действительно давал такое обещание, и вздохнул.

– Наташа, там все занято. Кормовые места. Никого палкой не выгонишь. Да и вряд ли я там смогу. Знаешь, сидеть, копаться в бумагах – это скучно. Я даже не знаю, получится ли у меня. Ведь я же сыщик.

– Получится, Леша. Если захочешь.

На такое настойчивое утверждение жены Ивлев ничего не ответил. «Главное – не наобещать лишнего. А то потом будет корить и ругать», – думал он.

Ужинали в этот вечер они поздно.

Наташа против своего обыкновения не стала включать телевизор, отказавшись от просмотра сериалов.

Она достала семейный альбом, и все время до сна они провели за разглядыванием фотографий.

Ночью Ивлев долго не мог заснуть. Наташа спала, а он лежал и водил глазами по темной комнате. Нехорошие мысли лезли в голову капитана.

Несколько раз он выходил в кухню и, сидя у подоконника, подолгу курил. Было грустно оттого, что Наташа во многом права. Надо подумать о жизни. О семье. О работе. А что с того, что он заместитель начальника отдела? Ведь все равно выезжает на преступления, разыскивает преступников. Наташа не сказала главного, но он понял: о каком семейном счастье может идти речь, когда все получается не слишком складно?

На следующий день, в субботу, они уехали на берег лесного озера, купались, ловили рыбу, варили уху и вечером, засыпая в палатке, слышали, как комары тучей ударялись в брезентовый бок палатки. И вроде все вчерашнее забылось, отошло, давая возможность успокоиться душе. Наташа повеселела. Видя ее радостной, Ивлев подумал: «Плюнуть бы на все и остаться здесь навсегда. И никогда не возвращаться в ту, городскую жизнь». Он думал так, обыкновенный милицейский капитан, с грустью осознавая, что так никогда не будет. Ведь жизнь, как дорога, у каждого своя. На чужую не свернешь. Но и с этой уже не расстанешься. Раз она выпала, то и иди по ней.

Примерно так думал капитан Ивлев, засыпая под назойливый звон комаров.

Утром, еще не проснувшись, Ивлев почувствовал, что Наташи рядом нет. Не открывая глаз, он пошарил рукой.

Наташи не было.

Ивлев открыл глаза, откинул одеяло и в одних плавках выскочил из палатки, ступая босыми ногами по студеной росе.

Утренняя заря разлилась по небу, и только что показавшееся над лесом оранжевое солнце коснулось первыми лучами еще не проснувшейся земли.

Наташа, обнаженная, залитая с головы до ног солнечным светом, стояла на поле рядом с озером, подставляя восходящему солнцу свое тело, покрытое нежным загаром. Она была необыкновенна в этот миг, как Афродита, вышедшая из пенных вод обрадовать мир своим явлением, своей красотой.

А вдалеке, в деревне, запели первые петухи, известив окрестности о рождении нового дня.

Туман, клубившийся над озером причудливыми формами, потянуло к берегам, обнажив светлую гладь воды.

Наташа обернулась.

– Наташка, ты чего? – спросил Ивлев, плохо соображая спросонок. Он поглядел по сторонам – как бы кто ее не увидел.

Она улыбнулась, игриво распустив волосы до самого пояса.

– Иди сюда. Посмотри, как хорошо вокруг! Как спокойно! Солнце! Поле! Озеро! Этот мир наш, Леша! Он создан для нас!

Все еще оглядываясь, Ивлев подошел к ней.

Наташа взяла его за руки.

– Я молилась за нас с тобой. За наше счастье. Чтобы все у нас было хорошо. – Она замолчала, смущенно опустила глаза, прикрыв их густыми пушистыми ресницами. – Я хочу, чтобы у нас родился сын, такой же мужественный, сильный, как ты. Слышишь?

– А если будет дочка, пусть она станет такой же нежной и ласковой, как ты, – тихо проговорил Ивлев. Наташа, согласившись, кивнула головой.

– Я хочу! У нас обязательно будут дети, – страстно зашептала она, целуя его.

– Наташка...

Она приложила свои ладони к его губам.

– Ничего не говори. Ничего. – Она обняла его, прижалась обнаженным телом. Ивлев чувствовал, какой от нее сейчас исходит жар.

– Наташка... Да, да. Нам нужны сын и дочь, – задыхаясь, шептал он, лаская ее дрожащее тело. Ему казалось, что все вокруг качается, плавает как в колыбели, потеряв формы и очертания. Все было залито красивым неестественным зеленым светом. Он ясно ощущал только себя и ее, свою Наташу.

В лучах утреннего солнца два обнаженных тела стали неотъемлемой частичкой огромного мира, в котором все имеет свое место. Той частичкой, без которой этот мир просто не может существовать.

В понедельник капитан Ивлев явился на работу посвежевший, в прекрасном настроении. В дежурке он увидел Квасова. Помятое лицо лейтенанта подтвердило догадку Ивлева о бурно проведенных выходных, конечно же, с женщинами и обильным застольем.

Теперь лейтенант мучился. Он сидел за столом рядом с дежурным офицером и безо всякой нужды просматривал сводку преступлений за выходные дни, хотя это совершенно не входило в круг его обязанностей. Но надо было чем-то заняться, чтобы отвлечься от нехороших воспоминаний и хоть как-то развеяться.

Увидев улыбающегося Ивлева, он отодвинул бумаги в сторону и с интересом уставился на заместителя начальника по оперативной работе. Самому Квасову сейчас было не до улыбок.

– На природе надо больше бывать, Игорек. Только единение с природой дает гармонию. На природе, – сказал Ивлев, забрал журнал со сводками и пошел в свой кабинет.

– Видал? – сказал Квасов дежурному офицеру, кивнув вдогонку Ивлеву. – На природу с женой выезжает. А тут в театр некогда сходить. В музее последний раз был три года назад, – проговорил Квасов с обидой, как будто в этом был виноват не он, а кто-то другой.

– Наш капитан – серьезный мужик, – заметил дежурный, хватаясь за трубку и отвечая: – Дежурный слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.